

ВОЙНА В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ ГЛАЗАМИ НЕМЕЦКОГО СОЛДАТА

Солдат Вермахта, представившийся как Oberschütze (старший стрелок – ВК) Siebenbrot, принимал участие в боевых действиях против британцев и французов в Ливийской пустыне и в Тунисе и провел несколько лет в плену в США и Великобритании. Он вспоминает войну, годы плена и делится впечатлениями о союзниках и противниках...

Меня призвали в армию в феврале 1941 в возрасте 19 лет, и базовую подготовку я проходил в Геттингене (Göttingen). В июле нас перевели в военный лагерь (*Truppenübungslager*) в Мюнстере для завершения обучения. Затем меня спросили, хочу ли я попасть в Африку. Я согласился и был отправлен в Потсдам, где нас собрали в *Sonderverband* (специальном подразделении). Изначально часть называлась *Sonderverband 288*, и позднее мы узнали, что нас собирались забросить в Ирак для захвата нефтяных промыслов. *Sonderverband* по организации отличалась от типичного батальона, который обычно состоял из 3-4-х рот. У нас было 7 рот. Первая рота была укомплектована иностранцами, выросшими на Ближнем Востоке, которые, в целом, могли говорить на 20 различных арабских диалектах. Вторая рота называлась *GebirgsJäger* (*горные стрелки - ВК*). Третья рота, в которой оказался я, была пехотной, четвертая – разведывательной. Пятая рота была ударной и имела на вооружении легкие и тяжелые минометы. Шестая рота была подразделением ПВО, а седьмая была вооружена противотанковыми ружьями. В нашу часть также входили подразделение, ответственное за водоснабжение, и полевая типография. Мы были моторизованной частью.

Я был связным, отвечал за доставку приказов и распоряжений, но меня использовали и как простого пехотинца. Поскольку наша часть была небольшой, и ожидалась большие потери, нас готовили к выполнению самых разных обязанностей во всех ротах на тот случай, если люди будут выходить из строя. Каждый готовился к тому, чтобы заменить любого солдата. Например, как пехотинец я был обучен использованию винтовки, пулемета и других видов стрелкового оружия, но нас также обучали применению минометов, противотанковых ружей и зениток. К концу курса обучения, в сентябре, каждый в нашей части был обучен использованию всех видов оружия. Затем нас погрузили на поезд, и мы тронулись в путь. Дорога шла через Югославию, где поезда постоянно подвергались атакам партизан. Добравшись до Белграда, мы услышали по радио, что британцы оккупировали Южный Ирак, в том числе, - Басру – место, куда направлялась наша часть. Мы продолжили свой путь в Грецию и закончили путешествие к югу от Афин на полуострове Атика. Нас быстро расквартировали, потому что командование не знало, что с нами делать. Мы пробыли там большую часть зимы, продолжая обучение. Поскольку наша часть была экипирована и обучена для боевых действий в тропиках, было решено перебросить нас в Африку. В итоге мы добрались до порта Лессе (*юг Италии – ВК*).

В марте 1942 наша рота погрузилась в небольшой самолет, чтобы отправиться в Африку. Это был старенький примитивный итальянский самолет, обтянутый брезентом. Бедный самолетик был перегружен и еле оторвался от земли. Чтобы не попасть под огонь британских истребителей, пилот вел его на высоте примерно 200 футов над морем. В итоге мы приземлились в Дерне (*Ливия – ВК*) в целостности и сохранности...

В начале июня 1942 г. наша часть, получившая новое название *Kampfgruppe Menton*, в первый раз вступила в бой. Нас бросили на Эль Адем (El Adem) – британцы долго не продержались, и мы быстро захватили этот городок. Затем нашу часть перебросили под Бир Хакейм (Bir Hacheim), где упорное сопротивление французских легионеров, которыми командовал генерал Кениг, задержало наше наступление. Французы построили превосходную сеть укреплений и не собирались отступать. Через 10 или 12 дней они дрогнули, однако наша рота не вступала в бой вплоть до последних дней сражения. В итоге французы были окружены, но ночью сумели вырваться из кольца и уйти. После захвата Бир Хакейма британцы перешли в атаку. Контрудар был сильным, нам пришлось отступить безо всякого промедления и удалось избежать окружения и плена. Затем

наступление британцев выдохлось, и Роммель сумел вновь оттеснить их к египетской границе. Наша часть остановилась в районе городов Бардиа и Соллум. К этому времени Тобрук был отрезан и осажден, и нас переместили в резерв, придерживая на позициях к югу от Тобрука. Затем был снова Египет – мы переместились в район к югу от Мерса Матрух (Mersa Matruh), оставив британцев более чем в 100 км за своей спиной...

Где-то в это время, в сентябре, меня начал донимать артрит. Я был отправлен в Тобрук, который к тому времени был захвачен нашими войсками. По дороге туда нас атаковали самолеты противника. Мы быстро соскочили с наших грузовиков и попрятались кто где... Меня едва не зацепило во время этой атаки. Грузовик был только слегка поврежден, и мы продолжили свой путь. Прибыли в Тобрук мы около полудня, город был запружен машинами, поскольку с фронта прибывало множество раненых. Наконец, часов в 8 вечера, врач осмотрел меня и решил, что поскольку артрит в жару залечивается плохо, меня нужно отправить обратно в Неаполь на госпитальном судне. На судне рядом со мной лежал индеец, пытавшийся заговорить со мной. Я плохо понимал по-английски, но разобрал, что он был ранен во время нашей танковой атаки. То есть, о раненом солдате противника тоже полагалось заботиться... Я провел месяц в Неаполе и, когда уже мог нормально ходить, был отправлен обратно в Германию выздоравливать. После еще одного месяца в Южной Германии (рядом с Бодензее) я отправился в штаб/сборный пункт моей части в Кюстрине. Получив двухнедельный отпуск, я поехал домой, а по возвращении на сборный пункт несколько недель проработал на картофельной ферме. В декабре нас отправили в Графенвёр (Grafenwöhr), где располагался тренировочный военный лагерь. Там мы влились в 756-й Горнострелковый (*GebirgsJäger*) Полк, и на этот раз я оказался в пехотном взводе. Накануне Рождества нашу часть погрузили на поезд, который повез нас в Палермо, в Италию...

В начале января 1943 г. мы погрузились на небольшой лайнер, на котором прибыли в Бизерту. Уже вскоре полк был переброшен на фронт, и нашей первой боевой задачей стало занятие какой-то высоты. Мы ее взяли - там я впервые столкнулся лоб в лоб с противником, да так, что их глаза можно было разглядеть. В той атаке на высоту я единственный раз в жизни применил ручную гранату. Марроканцы, против которых мы вели бой, отлично замаскировались, и, когда я бросил в них гранату, они уже отступили со своих позиций. В последующие несколько дней бои продолжались с переменным успехом, и через какое-то время нас перебросили на более спокойный участок фронта, на побережье, где мы отдыхали и занимались установкой мин-ловушек. Затем у нас был ночной марш-бросок протяженностью в 60 км, и уже утром мы пошли в атаку на позиции французов. Все оставшиеся в нашем взводе – 30 человек – побежали вниз по склону с воплями и криками. Мы застали французов врасплох, и они незамедлительно сдались. Взвод взял в плен около 120 человек. Война в Африке, хочу сказать, велась по-честному, обе стороны уважали друг друга – совсем не так, как в России. Я не видел, чтобы пленных расстреливали или чтобы с ними плохо обращались. В одном случае, после ожесточенного столкновения, на поле боя осталось много раненых, поэтому было заключено соглашение о временном прекращении огня. Обе стороны стали подбирать своих раненых, и никто не осмелился нарушить перемирие. В другом случае, ближе к окончанию боев в Тунисе (в апреле 1943 г.), в один солнечный день, наша рота, в которой осталось 10 человек, окопалась на холме. В каждом окопчике было по два человека, сами окопчики было примерно в 10 футах друг от друга. Неожиданно в поле зрения показался британский танк. У нас вообще не было никакого противотанкового оружия. По-видимому, один из парней в соседнем с нами окопчике привлек внимание танкистов, и они выпустили снаряд, который угодил в этот окопчик. Оба парня были ранены и стали кричать, взывая о помощи. К нашему окопчику подбежал санитар с носилками и обвязал мою руку полосой белой ткани. Мы выскочили из окопчика и побежали к раненым – танкисты видели нас как на ладони, так как находились не более чем в 25 метрах от нас. Один из наших парней был уже мертв, другого мы подобрали. За все это время танк ни разу по нам не выстрелил...

Немецкие военнопленные после капитуляции войск Оси в Тунисе (<http://www.war44.com/war-north-africa/2831-german-surrender-tunisia.html>)

Но грустный конец был неминуем. Мы уступали врагу по численности в 5 или 6 раз, оружия у нас оставалось мало, и 8 мая войска Оси сдались союзникам. Мы перевалили через какую-то горку и подошли к какому-то британским танкам. Танкисты угостили нас сигаретами, мы их – шоколадом. Они вели себя очень дружелюбно. Затем нас отправили в наскоро подготовленный лагерь рядом с городком Bone. В лагере кормили нас очень плохо, поэтому мы предпринимали попытки раздобыть яйца или *sous-sous* (разновидность паровой пшеничной каши - ВК) у местных. После этого нас морем перевезли в Ogan. К этому времени мы все завшивели, и нам устроили дезинфекцию. В тот же день нас погрузили на пару американских судов, возвращавшихся в Штаты. 30 мая 1943 г. мы прибыли в Нью-Йорк, а 3 июня поезд привез нас в лагерь для военнопленных в городке Huntsville, штат Техас. Лагерь был разделен на три части, в каждой из которых находилось по 1200 человек. Рядом с лагерем было поле для спортивных игр. Каждый военнопленный имел право на рацион, полагающийся обычному солдату - нас кормили достаточно хорошо, жалоб было мало. Вначале работы для нас не было, и мы просто делали какие-то мелочи в лагере: стригли лужайки и пр. Нам также разрешили изучать иностранные языки (английский, французский и испанский), читать и писать, заниматься математикой и т.п. – все это организовывалось самими заключенными. Заключенными также выпускалась ежемесячная газета. В лагере были часовня, оркестр, театр, и раз в месяц проводились представления – играл оркестр, кто-то пел, ставились пьесы. В этом лагере мы впервые в жизни стали питаться кукурузой, поскольку в Германии ею кормят домашнюю птицу. Один военнопленный даже сочинил такой стишок:

Mais fürdert in allen lender

Всюду в этом мире растят кукурузу,

Bei Hünern die legerei.

Повсюду ею кормят несушек-курей,

Bei uns braucht's nicht zu versuchen,

Только насчет нас вы не беспокойтесь:

Wir legen ja doch kein Ei.

Поскольку все равно яиц мы не снесем.

В конце концов нас решили заставить немного поработать и отправили на хлопковые поля. Из упрямства мы решили держаться друг друга и собирать в день только определенное количество хлопка. В прошлом у нас всегда было два выходных дня на Троицу (*Pfingsten*), поэтому в первый день праздников мы решили не выходить на работу. Американцы закрыли в лагере почти всё, включая кухню, поэтому на второй день военнопленные решили выйти на работу. Затем оказалось, что на местной рисовой ферме для уборки урожая нужны рабочие руки, и некоторых из нас туда и отправили. Каждое утро фермер приходил, чтобы отвезти нас на работу и привезти обратно в конце дня. К тому времени я уже неплохо подучил английский и стал переводчиком для нашей группы, в которой было с десяток парней. Это фермер был прекрасным человеком. Лагерная еда была не самой лучшей в мире,

а жена фермера каждый день давала нам что-то новое, приготовленное из риса, и мы с удовольствием это съедали.

Немецкие военнопленные проводят свободное время в одном из лагерей на территории США. К концу войны их численность в Штатах достигла 300 000 человек
(http://www.oldmagazinearticles.com/german_prisoners_of_war#.VFDzMRbGZWM)

В начале 1944 г. меня перевели в другой лагерь, в штате Алабама. Там я столкнулся с определенной несправедливостью. Американцы пытались заставить унтер-офицеров работать, но по Женевской Конвенции офицеры работать не должны. Унтер-офицеры отказались работать и стали получать очень маленькие пищевые рационы, а мы подкармливали их, бросая им кое-какие продукты через ограду. Затем некоторых из нас перевели во Флориду, в местечко к югу от Майами. Сначала я работал на большом армейском складе. Там были мастерские, где ремонтировали старые армейские грузовики, которые потом посылали в Россию. Военнопленным не полагалось работать на промышленных предприятиях, поэтому мы занимались ремонтом зданий, стригли газоны и пр., потом еще закатывали грузовики на железнодорожные платформы. Я еще поработал в ремонтном цеху аэропорта Майами и в покрасочном цеху (чем занимался до войны). В этом лагере я встретил парней, которые собрали радиоприемник, и мы стали слушать радиопередачи из Гаваны (один из парней говорил по-испански) и местные радиостанции. В то время Куба, в какой-то степени, относилась к Германии дружелюбно, и мы слушали немецкие новости из Гаваны, которые сильно отличались от того, что рассказывалось в американских радиопередачах. Думаю, американские передачи были гораздо правдивее... В Майами я оставался до конца войны.

В апреле 1946-го нас отправили в Нью-Йорк, где погрузили на судно, отправлявшееся в Антверпен. В итоге мы оказались в контролируемом британцами лагере к югу от Брюсселя. Лагерь был обнесен колючей проволокой, иметь палатку считалось большой удачей, одеял на всех не хватало, а питались так, как в страшном сне. Еда была отвратительной, и смертность среди военнопленных в этом лагере была довольно высокой. Однако те из нас, кто вернулся из США, были неплохо откормлены, так что с нами ничего не случилось. Мы провели в этом лагере всего 6 недель, но было видно, как сильно все мы исхудали за это короткое время. Затем по непонятным причинам нас морем отправили в Англию. Там нас встретил английский майор или полковник, который впечатлил нас следующим заявлением: «Здесь вы будете помогать отстраивать эту страну в отместку за то, что разрушили большую ее часть...» По меньшей мере, этот малый поступил по-честному, сразу сказав, что нас ждет. В Англии мы провели год. Сначала трудились на ферме, затем рыли траншеи под водо- и газопроводы и канализацию, какое-то время работали на кирпичном заводе. Шел уже 1947-й, и мы вот-вот должны были отправиться домой. Нас разделили на три категории: нацисты, *mitläufer* (*терпимо относившиеся к нацистам - ВК*) и антинацисты. Антинацистов отправляли домой в первую очередь. Я был в промежуточной категории. Последними уезжали те, кто предположительно был нацистом. Их отнесли к этому типу, потому что они плохо вели себя на допросах. Я прибыл домой в старой британской военной форме, заплатки на которой указывали, что я – военнопленный.

Какой была война в пустыне? Прежде всего, - в пустыне много на себе не унесешь – только необходимое: оружие, снаряжение, одну смену носков и белья – вот и все. Когда меня отправили в Италию, на мне не было ни одного клочка немецкой униформы, кроме кепи. Во время боев мы переворачивали вверх дном захваченные у врага или брошенные им грузовики, чтобы найти что-то из одежды. То есть, едва ли кто-то из нас носил положенную форму. Даже что-то из нашего снаряжения было трофейным. Если удавалось отремонтировать трофейные грузовики, мы их тоже использовали. В целом, снабжали нас плохо, вот и приходилось выкручиваться, используя то, что попадало в руки... Если случался день отдыха, мы просто ничего не делали или по возможности стирали одежду. А так часть была все время в движении. Мы постоянно натыкались на вражеские колонны. Припоминаю случай, когда мы наскочили на небольшую группу британских грузовиков. Нас было немного, но мы подбили грузовики, а затем залезли в них и вытащили все, что смогли: продукты, воду, вообще все хоть немного полезное. Помню одну неделю, когда мы целиком и полностью продержались на захваченных у британцев продуктах, поскольку наша полевая кухня за нами не поспевала.

Нашим командиром роты был обер-лейтенант Шредер (Schröder). Честно говоря, мы недолюбливали нашего командира. Он слишком жестко следовал букве устава. Ну, например, представьте себе, что вы были в боях, недосыпали, и тут, когда рота отдыхает, появляется офицер и требует, чтобы ты почистил свою винтовку. И тебе приходилось плохо, если на ней оставалась хотя бы пылинка, ну а в тех условиях этого было трудно избежать. Я понимаю, что даже на отдыхе солдат нужно чем-то занять, но после боев или на марше, когда не спишь по два-три дня, почему бы просто не дать солдату выспаться?.. Нас хорошо подготовили к войне, но я не любил армию. Обращались с нами довольно сурово. Когда тебя наказывают за то, чего ты не делал, смириться с этим тяжело, когда офицер обращается с тобой несправедливо, это плохо.

Один раз мне довелось столкнуться с Роммелем. Мы были на привале, и была моя очередь стоять на посту. Вдалеке я увидел группу автомобилей, и когда они стали приближаться к нам, я разглядел, что это были немецкие машины. При мне была винтовка, а из одежды только кепи и шорты. Я помахал им рукой, подбежал поближе и увидел, что это был сам Роммель со своим кортежем. Я доложил как положено, сказал, к какой части мы относимся, и сообщил, что неподалеку находится минное поле – в том направлении, куда они двигаются. Роммель сказал: «Да мы знаем, знаем», а затем спросил меня: «Откуда вы?» - Я ответил: «Я из Люнебурга.» - «О-о-о... Люнебург,» - сказал он. «Бывал там...» Времени у него было немного, и он тронулся дальше. Вообще, это было здорово - воевать под командованием Роммеля. Я думаю, каждый из тех, кто воевал в Африканском Корпусе, восхищался Роммелем. И если он говорил: «Парни, мы хотим взять Бардию», каждый хотел добиться этого. Он всегда просил солдат сделать больше, чем от них можно было ожидать. Он был очень требовательным, но мы с радостью выполняли его приказы. Мы уважали его, потому что он был справедлив. С пленными в Корпусе обращались безупречно. Кроме того, он держал эсэсовцев вдали от Африки и отказывался брать под командование какие-либо части СС. Им также восхищались и в 8-й (британской – ВК) Армии.

Роммель беседует со своими солдатами на передовой (<http://home.online.nl/cclinks/abtf/desert-1.html>)

Он был доволен своими солдатами, хотя с некоторым предубеждением относился к итальянцам. Вспоминая войну, я думаю, что итальянцам приходилось тяжело. У них не было хорошей бронетанковой техники, да и кормили их плохо. Мой итальянский друг, который служил в итальянской армии, рассказывал мне, что еда была отвратительной. Кроме того, их армия отличалась сильным классовым расслоением, в отличие от германской армии (по меньшей мере, в отличие от Африканского Корпуса), где офицер ел то же самое, что и рядовой. Не так было у итальянцев. Как следствие, боевой дух у итальянцев был не так силен, как у немцев, что вполне понятно. По моему мнению, не стоит принижать достоинства итальянцев, как это всегда делается. Они были хорошими парнями. Как-то раз у нас закончился запас воды. Наши фляги вмещали не более $\frac{3}{4}$ литра, тогда как у итальянцев фляги вмещали, по меньшей мере, 2 или 3 литра. Тут появилась группа итальянцев и предложила нам воду. Мы были несказанно благодарны им! Но, как я уже говорил, их вооружение было не самым лучшим, танки ужасными, поэтому они и постоять за себя толком не могли. Потом, у них не было грузовиков. Попытайтесь маршировать по пустыне и сражаться при этом... Перемещались они обычно в ночное время. Иногда и у нас не было грузовиков, но у итальянцев лишь немногие части были моторизованными. Нужно принимать это во внимание...

Говоря о противнике, я бы сказал, что британские танки были хуже наших. Они были не столь быстрыми, и их огневая мощь была недостаточной. Однако, британцы превосходили нас в артиллерийской мощи. Прежде всего, у них было в этом отношении численное превосходство. Кроме того, наше снабжение было неважным, и приблизительно 40% грузов уходило на дно с потопленными транспортом. Британская авиация также превосходила нашу. У них было больше самолетов, больше топлива. У нас было совсем мало бомбардировщиков, в основном, истребители, но зато у нас были 88-миллиметровые орудия! Они были намного мощнее всего того, что было у британцев. Я думаю, они могли стрелять на расстояние до 9 км. Британские танки не могли вести огонь с такого расстояния, и мы могли уничтожать их до того, как они просто смогут открыть огонь. Как солдаты британцы нам не уступали. Наверное, какие-то части были в чем-то похуже, но, в общем, они были достойным противником. Кроме того, их очень хорошо снабжали. Однако, их командиры, в каком-то смысле, не проявляли решительности в атаке, и иногда казалось, что они слабо представляют себе, что происходит на поле боя... Часто спрашивают, какое влияние на ход кампании оказали британские диверсионные группы (*British Long Range Desert Force*). Им сопутствовала удача, но далеко не всегда. Они совершили рейд на штаб-квартиру Роммеля, но окончилось это для них довольно плачевно. Эти группы проникали глубоко за линию фронта и обычно выдвигались с юга. Чаще всего их рейды носили разведывательный характер, но иногда, сталкиваясь с небольшими частями, они атаковали или имитировали атаку, а затем быстро исчезали. Их действия не нанесли ущерба нашему боевому духу – мы их не боялись. Я не слышал о том, чтобы им удавалось нанести нам какой-либо существенный урон. Мы о них знали, но слышали не так уж много...

После войны я принял участие в двух встречах солдат Африканского Корпуса. В обоих случаях среди гостей были вдова и сын Роммеля. Заканчивая рассказ, скажу, что я потерял 8 или 9 лучших лет своей жизни. Когда возвращаешься домой с войны, начинаешь делать то, что мог бы сделать тогда, когда тебе было 17 или 18, с опозданием на много лет. Особенно теперь, зная, что война была проиграна, чувствуешь, что эти годы у тебя украли, и многие задают себе вопрос: какой в этом был смысл и за что мы сражались?

Одно из немецких военных кладбищ в Северной Африке
(<http://histomil.com/viewtopic.php?f=95&t=3918&start=1330&hilit=144>)

Оригинальное интервью – Martin Schenkel -

<http://histomil.com/viewtopic.php?f=232&t=10909&p=84281&hilit=hard>

Перевод и литературная обработка – Владимир Крупник

Публикуется впервые

О ВОЙНЕ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ РАССКАЗЫВАЕТ ЛЕЙТЕНАНТ ВЕРМАХТА Eberhardt Von Machui

Лейтенант Eberhardt Von Machui (на фото слева) служил в артиллерийском полку 28-й Дивизии Легкой Пехоты (28 Jäger Div., Wehrkreis VIII, эта дивизия была также известна под названием «Дивизия Кавалеров Железных Крестов»). Перед тем, как добровольно пойти в армию в октябре 1939 г., он служил в RAD (Reichs Arbeits Dienst - Трудовая Служба Рейха – крупная организация в нацистской Германии, нацеленная на устранение последствий массовой безработицы, милитаризацию и идеологическую обработку трудоспособного населения) в районе Бреслау (Силезия). Пройдя офицерскую подготовку, он получил звание лейтенанта в апреле 1940 г. В его семье несколько поколений мужчин были солдатами. Его отец был знаком в фельдмаршалом фон Клейстом, имение которого располагалось неподалеку от дома его родителей. Брат лейтенанта Machui был кавалером Рыцарского Креста, получил на фронте

14 ранений и погиб в конце войны в Прибалтике. Еще один брат пропал без вести на Восточном фронте...

28-я Дивизия была старой воинской частью с долгими и крепкими традициями. Это было сплоченное и эффективное соединение - все ее военнослужащие были родом из Силезии. Нарушения дисциплины были редкостью, трудно даже что-то подобное припомнить. Порядок был у нас настолько строгим, что американские солдаты при первой же встрече поразили меня именно своей недисциплинированностью и хулиганскими замашками. У нас за нарушения наказывали строго: например, за изнасилование карали смертной казнью, и это было неотвратимо. Любой, кого заставляли спать на посту, мог по приказу командира быть отправлен в штрафной батальон. Эти части использовали при очистке минных полей, они вызывали огонь на себя, чтобы засечь огневые точки противника, да и вообще получали смертельно опасные задания.

Мы прошли военную подготовку в городке Schweidnitz (Силезия), где базировалась 28-я Дивизия. В нее входил артиллерийский полк, вооруженный чешскими 150-мм гаубицами *Skoda*. Обучение проходило с октября 1939 г. по март/апрель 1940 г. Базовая подготовка никак не напоминала

медовый месяц, однако, вспоминаются слова одного вахмистра-артиллера (*Wachmeister*), который говорил нам, в какой-то степени, добросердечно, что чем больше знаний мы приобретем сейчас, тем больше у нас будет шансов выжить потом... Мы продолжили подготовку во Франции, близ Бордо, уже после завершения военной кампании. На более позднем этапе войны подкрепления для 28-й Дивизии также готовили во Франции, но длилось это уже всего два месяца, и солдаты прибывали на фронт неважно обученными. Мой брат - Heinrich Machui (на фото слева) - был одним из таких солдат. Вскоре после прибытия на фронт он погиб. Он

был в патруле и попал в засаду. Трупы его товарищей были найдены, а тело Хайнриха так и не нашли. Несколько дней спустя линия фронта переместилась, и на захваченном командном пункте русских обнаружили солдатскую книжку Хайнриха. Он так и пропал без вести...

На войне не до веселья. Ребята у нас были серьезные, и забавные случаи были редкостью. У некоторых были шуточные клички, например, *Колченогий Геббельс*. Помню, что много было забавных историй и анекдотов о Рейхсмаршале Геринге, но в точности не могу воспроизвести ни одной из них... Были шуточные жаргонные названия: *Goulashkanone* (Гуляш-пушка - полевая кухня), *Kettenhunde* (буквально - сторожевой пес - кличка представителей полевой жандармерии - ВК), *knobelbecher* (жаргонное название солдатских сапог, буквально - чашки для игры в кости), что-то еще. Было в нашем подразделении несколько хороших певцов, ну, конечно, очень популярной была песня *Lili Marlene*.

Была у нас лавочка - *Marketenderwäre*, где солдаты могли купить что-то такое, чем не снабжали в армии или снабжали, но в недостаточном количестве. Например, это могли быть расчески, бритвенные лезвия, зубная паста, бумага, ручки и т.д. Хотя нам выдавали мыло, оно было отвратительного качества и годилось только для стирки. *Marketenderwäre* находилась в штабе Дивизии, и хозяйничал в ней *Zahlmeister* (Интендант - ВК). Над интендантами всегда посмеивались, поскольку никто не считал их настоящими солдатами...

Так называемые *Führer Geschenk* (Подарки Фюрера) выдавались солдатам, отправлявшимся в отпуск - их раздавали на железнодорожных станциях. В них были продукты на время путешествия: колбаса, галеты, сыр и т.п. Не знаю, было ли это обычным для всего периода войны, но в 1942-м, когда я отправлялся в отпуск из Крыма, и в 1943-м, когда я ехал домой из Белоруссии, я получал эти продуктовые пакеты. Принимали мы их с радостью, поскольку каждый из нас ходил голодным. Что касается неприкосновенного запаса (*eiserne Portionen*), то он был у каждого и носили его в так называемом хлебном подсумке (*Brotbeutel*). Открывать этот запас мы могли только по приказу командира и в исключительных обстоятельствах. Мне не приходилось есть что-то из него, но знаю, что в нем были галеты и говяжья тушенка. Если солдату попадал в руки лишний рацион сверх положенного, он носил его в противогазной сумке вместо выброшенного противогаса. В нашем подразделении очень многие выбрасывали свои противогазы, хотя за это сурово наказывали:

дополнительное время в карауле, вычеты из содержания и пр. Я ни разу не использовал противогаз во время войны. В боезапасе нашего артиллерийского подразделения были газовые снаряды, но их ни разу не пустили в ход.

Припоминаю, что армейские носки были сделаны из шерсти очень низкого качества и плохо носились. У меня были хорошие носки, присланные из дома, поэтому я не использовал портянки (*flußlappen*). Вообще, портянки были сделаны из холста или белой шерсти, и в них было потеплее. Они не снашивались так быстро, как носки: их можно было поворачивать с носка на пятку, кроме того, солдаты прокладывали портянки газетными листами, которые впитывали влагу.

Под Москвой было зверски холодно. Нашу часть отвели с фронта в ноябре 1941-го на отдых, но незадолго до этого я был ранен в голову – пуля пробила нижний край каски. Есть старая солдатская поговорка времен 1-й Мировой: «Никогда не зажигай больше двух сигарет с одной спички.» Я зажег три и был ранен. Несколько месяцев я провел в госпитале, прежде чем вернуться на фронт, под Севастополь. Госпиталь находился в Ливадийском дворце, и я помню, что он произвел на меня впечатление своей роскошью... Под Керчью наша часть понесла тяжелые потери. В этих боях мы использовали крымских татар во вспомогательных подразделениях, и, должен сказать, что эти люди ненавидели коммунистов и отличались надежностью и храбростью...

Солдаты из разных частей Рейха отличались друг от друга. Например, эльзасцы были никудышными солдатами: они были из провинции, которая несколько раз переходила из рук в руки на протяжении нескольких столетий, и это оказало ослабляющее воздействие на их воинские способности. Силезцы были отличными солдатами, хотя, признаться, я к ним немного неравнодушен. Парни из Восточной Пруссии тоже были крепкими бойцами. Но русские были лучшими из всех солдат, которых я когда-либо видел. Они знали свое дело, превосходно сражались в ближнем бою, в своих степях и городах. Я участвовал в уличных боях в Смоленске в 1941-м, и, в то время как наша артиллерия еще не подтянулась, мне пришлось вести в бой свое подразделение. Русских было необходимо убивать, поскольку они не отступали и не сдавались. Те немногие из них, кто попадал в плен, были или тяжело ранены, или уже без сознания. На меня и моих солдат все это подействовало отрезвляюще... К западу от Смоленска, перед тем, как войти в город, мы прошли через участок фронта, на котором несколько дней назад было отражено несколько лобовых атак русских... Мы пересекли его в гробовом молчании. Я понял, что русский солдат может проявить потрясающую храбрость даже несмотря на то, что им плохо командуют, и может выжить, имея минимум необходимого...

Свой Железный Крест 2-го класса я получил, когда наводил огонь артиллерийского батальона, который остановил мощную атаку русских. Это случилось в 1941-м под Москвой. В 1942-м, под Севастополем, я получил Железный Крест 1-го класса. До меня трое артиллерийских наблюдателей были убиты прямо в той точке, где находился я. И снова я наводил огонь артиллерийского батальона, остановившего атаку противника. Крест мне вручал лично командующий дивизией генерал Sinnhuber.

Eberhardt Von Machui на фронте – крайний слева на левом фото (Крым, 1942); на правом фото - под Севастополем в качестве артиллерийского наблюдателя (1942)

В 1943-45 гг. я практически не участвовал в боях, поскольку у меня появились проблемы с равновесием из-за полученной раны в голову. В январе 1945-го меня отправили в Бреслау на операцию в госпиталь. Столкнувшись в госпитале с двумя часовыми, я узнал от них, что русские стоят всего в 30 км от города. Я решил, что операция подождет, и отправился домой к родителям. Оттуда я нашел дорогу на Запад...

Интервью - Eric Tobeу, редактор - Jonathan Восек (1993)

Перевод и литературная обработка – Владимир Крупник

Оригинальный текст: <http://www.dererstezug.com/VetMachui.htm>

Ранее публиковалось на сайте www.warspot.ru

РАССКАЗ НЕМЕЦКОГО АРМЕЙСКОГО ВЕТЕРИНАРА ОСВАЛЬДА МАЙЕРА (OSWALD MAIER)

Я вырос в Чехословакии в городке под названием Brůx. Теперь он называется Мост. С 1932-го по 1934-й я служил в чешской армии и почти весь 1933-й провел в школе ветеринаров. В этом качестве в 1941-м немцы призвали меня в Вермахт. В конце 41-го я попал на Восточный фронт и был направлен в *Veterinärkompanie* (ветеринарную роту) 35-й пехотной дивизии. Большинство солдат в ней были швабами из юго-восточного угла Германии, и я едва понимал их диалект. Мы носили такую же форму, как и все. Цвет лычек на погонах и кепи был красно-бурый – цвет ветеринарной службы. Такой же цвет был на лычках у офицеров Генерального Штаба. Ходила шутка, что это было сделано умышленно и эти цвета должны были совпадать для парадов: когда офицер едет на лошади, ветеринар должен следовать за ним и подбирать конские яблоки (*Pferdekartoffeln*). Вообще-то, форма моя была вполне приличной, поскольку я был *Unterveterinär*. Всякого серебра на ней было почти столько же, сколько у офицера, и я также мог носить офицерскую фуражку.

Я был под Москвой, когда там стояли ужасные морозы, потом попал в Польшу, а оттуда уже был переведен в 305-ю дивизию. Эта дивизия оказалась в Сталинграде, однако, большая часть лошадей и ветеринарных подразделений была выведена оттуда до того, как войска попали в окружение... Меня там не было, *Gott sei Dank! (Слава богу!)*

Лошади тоже страдали на Восточном фронте, не только люди - сейчас про это просто забыли. Мы лечили их от пневмонии и обморожений чаще, чем от боевых ранений. В России было много проблем. Наше снаряжение не годилось для тех мест. Например, матерчатые фуражные сумы к первой зиме уже износились. У военных были другие приоритеты в снабжении войск, и эти сумы менять не стали. Нам пришлось делать деревянные корыта для корма, что приводило к повышенной заболеваемости лошадей. Некоторые русские лошади несли заразные болезни, и нам приходилось дезинфицировать русские конюшни перед размещением в них наших лошадей. Но главной проблемой было то, что тупоголовые офицеры настаивали на использовании больных или истощенных лошадей. Больная лошадь на фронте заражает других: лошади, на самом деле, являются очень чувствительными созданиями, несмотря на свой ощутимый размер...

Распутица на советско-германском фронте

Мы использовали два типа лошадей: *Kaltblüter* и *Warmblüter* (буквально – *холодокровная* и *теплокровная* - реальные термины – ВК). *Warmblüter* – быстрые и подвижные лошади, используемые для езды верхом. *Kaltblüter* – крупные, медленные и спокойные лошади, используемые в качестве тягловой силы. Были у нас лошади разных пород. Теплокровные из Восточной Пруссии были крепче и лучше сносили морозы, чем теплокровные ганноверские. Как ни смешно это звучит, но настоящие крупные рейнские и бельгийские тягловые лошади были самыми хлипкими! В России мы использовали небольших местных лошадок. На самом деле, это были крупные лохматые пони. Они были невероятно выносливыми, могли питаться березовой корой с бревен, из которых построены русские хаты, и радоваться жизни! Самой большой проблемой было то, что они были мелковаты для транспортировки тяжелых грузов и орудий. Обычно их использовали для перевозки небольших деревянных фургонов и саней. Эти лошади и эти фургоны использовались в германской армии повсеместно...

Лето 1944-го. Лошади и повозки явно замаскированы от атаки с воздуха...

В конце 1943-го я отбыл в Нормандию после окончания ветеринарной школы в Ганновере и попал в 7-ю армию. Ситуация в Нормандии была такова, что союзники господствовали в воздухе и передвигаться можно было только ночью. Однако, лошади предпочитают спать ночью, как и люди. Приходилось их будить, и лошадей это бесило – они хотели спать. Постепенно мы приучили их к ночной жизни... Подразделения, переброшенные во Францию с Восточного фронта, привозили с собой лошадей, и, конечно, некоторые из них были измотаны до предела. Мы продавали их местным и покупали новых на конских рынках. Вообще говоря, Франция – прекрасная страна для

лошадей. Можно было видеть, как солдаты буквально вытаскивали своих лошадей из железнодорожных вагонов, а через несколько дней это уже были совсем другие животные! Припоминаю одного молодого парня из нашего подразделения во Франции – он был сыном фермера из Померании. Замечательный паренек, который просто обожал лошадей. Он прибыл к нам из России, и его нервная система была подорвана. Мы отвечали за эвакуацию раненых лошадей, и, когда нам в руки попадали покалеченные лошади, он буквально рыдал и толку от него уже не было. Мы решили отправить его в Германию, но по дороге, едва его поезд покинул станцию, он погиб во время воздушного налета. Поезд был загружен лошадьми, и этот парень вместо того, чтобы выпрыгнуть из вагона и залечь, как делали все, побежал присмотреть за лошадьми...

Многие не понимают, что лошадям требуется большое количество фуража, например, лошади, *Kaltblüter* - 20 кило в день! Вы можете спросить, почему это так важно и почему бы не дать им возможность есть луговую травку? Если лошадь будет питаться травой, то для получения нужного количества энергии ей придется есть траву от 6 до 8 часов в день, и тогда не останется времени на работу – все очень просто. Обычный корм состоял из прессованной смеси сена, соломы, картофельной шелухи, хлебных дрожжей, но, главным образом, овса. Это был рацион, но мы часто брали корм на местных фермах. В России это было проблемой, поскольку там вообще мало что было в наличии... Во Франции этого было навалом, но нам приходилось инспектировать фураж, так как французы подмешивали в корма всякую дрянь, чтобы у лошадей были колики...

С военнослужащими других родов войск у нас были неплохие отношения – со всеми, кроме СС и клоунов из нацистской партии. Иногда цеплялась жандармерия, но, поскольку меня принимали за офицера, обычно меня оставляли в покое. Эсэсовцы гордо вышагивали всюду и везде и расталкивали всех, кто попадался им на пути. Нас они называли *Hilfsvölker*, что означало что-то типа «подсобник» или «разнорабочий» (*в германских колониях так когда-то называли солдат или полицейских из числа местного населения – ВК*). Так было, пока мы не становились им нужны. Как-то я ехал рядом с офицером СС из Ганновера в Магдебург. Он держался высокомерно и снисходительно, и я уже подумывал: «Когда же, наконец, закончится эта поездка!» Он спрашивал меня о чем-то, а затем использовал мой ответ для оскорбительных комментариев в мой адрес. Мы обменялись листками с адресами, и я тут же выбросил его адрес, как только сошел с поезда. Через несколько месяцев он позвонил мне и попросил об услуге. Ему были нужны специальные подковы для его личной лошади, и он попросил меня организовать это. На этот раз он был ну просто очень дружелюбен, рассыпался в комплиментах по адресу ветеринарной службы, а своих кузнецов называл не иначе как «баранами», которые толком ничего не знают о лошадях!

В боях я практически не участвовал. Как-то русский танк заехал на наш ветеринарный пункт, но застрял в ручье. Экипаж вылез из танка и попытался удрать, однако их перестреляли механики из ремонтной мастерской. Как-то раз на нас напали французские партизаны, но это закончилось так быстро, что я не успел испугаться. Из наград у меня есть медаль за боевые действия на Восточном фронте в зиму 1941-42 годов – ее получили все, кто был там в это время, еще у меня есть *Kriegsverdienstkreuz* (*награда, вручаемая за заслуги гражданским лицам и военнослужащим небоевых частей – ВК*) за службу в зимнее время.

После разгрома наших войск во Франции, я отправился в *Remonteamt* (*пункт сбора/закупки лошадей для армейских нужд – ВК*) близ Ганновера. Отсюда шло снабжение армии лошадьми. Я оставался там вплоть до прибытия союзников. У меня не было никакого желания оказаться в лагере для военнопленных, поэтому я переоделся в гражданское и попытался пробраться через линию фронта. Пришлось прикинуться чешским рабочим, не умевшим говорить по-немецки. Я уже почти добрался до дома, когда меня задержал настоящий чех в американской форме. После короткого разговора он сказал: «Ты - *Нетек* (*немец – ВК*). Что ты за человек? Уж не эсэсовец ли?» Он подметил мой акцент, да и, кроме того, на мне все еще были армейские ботинки. Так я оказался в лагере для военнопленных под Нюрнбергом, а потом в Эльзасе. Я освободился в 1947-м, но не вернулся в Чехословакию. К тому времени чехи вышвырнули мою семью, но это –

другая история...

Оригинальное интервью - Richard M. Clement, Jr. - <http://www.dererstezug.com/VetMaier.htm>

Перевод и литературная обработка – Владимир Крупник

Ранее публиковалось на сайте www.warspot.ru

Возврат на главную страницу www.warsstory.org